

ПРОПУСК

И ЗЕМЛЯЧКА

Р А С С К А З

РОНАЛЬД ВИЛЛЬЯМС
ЮАР

ПЕЧИ заныли, едва Мазиза повернулся в постели. Проклятье! Даже по воскресеньям каторжная работа напоминает о себе.

Человек трудится подобно рабу за несколько жалких фунтов шесть долгих дней. Один выходной — и опять впрягайся в то же ярмо, день за днем, год за годом. А что толку?

Подобные мысли постоянно обуревали Мазизу. Но сегодня утром они быстро исчезли, и на место их пришло неясное радостное ожидание. Жизнь должна была измениться к лучшему, потому что в прошлый четверг Мазиза познакомился с Ребеккой. Мазиза никогда не увлекался женщинами, во всяком случае с тех пор, как перебрался в город. Но Ребекка — это совсем другое дело. Ребекка не была городской девицей. Она приехала из деревни — из деревни, расположенной неподалеку от его родных мест. И она еще не успела набраться премудростей большого города.

Он видел это по ее манере одеваться, по ее откровенному, бесхитростному разговору, по прямому открытому взгляду и милой застенчивости.

Мазизе почудилось, будто он снова оказался дома, когда встретил ее. И она тоже обрадовалась встрече со «своим парнем». Она даже пригласила его прийти в дом, где она служила, когда хозяева уедут на воскресенье.

Мазиза сразу же согласился. Еще бы! Он прожил три года в Кейптауне без женского общества, а теперь вот встретил девушку из родных мест, да к тому же еще и неспорченную городом.

Он поднял голову и осмотрелся. Кровать Фонди пустовала. Было еще утро, и его сосед по комнате не имел обыкновения подниматься так рано за исключением тех случаев, когда провожал Майзию до остановки автобуса. Майзия начинала работу с восьми.

Бедолаги эти парни, вроде Фонди, думал Мазиза. Они вынуждены украдкой приводить своих девушек в общежитие холостяков поздно вечером или рано утром и так же контрабандно выпроваживать их, пока служители, следящие за порядком, спят. Иначе тем надо будет платить за «молчание», а Фонди поклялся ни за что не доводить дело до этого. Он не намерен позволять другим пить его кровь.

Мазиза завязывал свой самый яркий и самый широкий галстук, когда вошел Фонди. Он разинул рот, увидев, как наряжается его приятель.

— Что сегодня за праздник? Только не говори мне, что собрался в церковь!

Мазиза взглянул на свои до блеска начищенные ботинки, расправил обшлага рубашки и только после этого ответил:

— Я еду в Си-Пойнт.

Фонди, удивившись еще больше, поднял на него глаза, и широкая улыбка разлилась по всему его лицу.

— Какую родню ты собираешься там навестить? А может, ты подыскиваешь себе место слуги или садовника?

Он весело рассмеялся.

— Смейся, смейся. Вашему брату действительно есть чему удивляться. Я еду на свидание с девушкой — не с такой, как твои вечно полупьяные, прокуренные девицы. С настоящей, хорошей девушкой. И у нее отдельная комната в доме, где она прислуживает. Мне, может быть, никогда больше не придется платить за квартиру и за еду, пока она там работает.

— А взамен ты будешь копать в саду и мыть хозяйскую машину как жалкий поденщик. — Фонди тряхнул головой. — Я вот, например, никогда не соглашусь заниматься чем-нибудь подобным.

— И все же это лучше того, чем ты занимаешься сейчас. Вы с Майзией в один прекрасный день наверняка попадетесь, — отомстил Мазиза.

Так они болтали, пока Мазиза облачался в свой лучший костюм, а Фонди натягивал повседневную одежду, ибо он был человек мудрый и никогда не надевал выходной костюм, если знал, что ему предстоит хорошая выпивка. Вскоре он ушел. Мазиза же не мог бы себе и представить, как это он наденет в такой день отвратительную грязную одежду, валявшуюся на полу. Светлый голубой костюм, в котором он сейчас красовался, был такой элегантен.

Он не стал ничего перекладывать из грязных карманов старых брюк, чтобы не осквернить своего костюма, не взяв даже месячный билет для проезда в третьем классе пригородного поезда. В этот день ему подобало ехать по крайней мере во втором классе.

В хорошем настроении, с высоко поднятой головой Мазиза отправился на станцию. Он быстро шагнул по гудрону, стараясь не попадать на пыльную песчаную обочину, и приветствовал каждого встречного, даже тех, кого совсем не знал. Мазиза был счастлив. Жизнь, черт возьми, все же дает иногда человеку какие-то вознаграждения.

Предвкушая возможность насладиться роскошной пищей, Мазиза завтракать не стал, чтобы уж действительно со вкусом поесть в доме белого хозяина Ребекки. Быстро перебежав от Кейптаунской станции к автобусной остановке, он через несколько минут уже сидел в втором этаже автобуса, отправляющегося в Си-Пойнт. Найти Ребекку было очень просто: сойти на остановке «Двадцатая улица», подняться по Маунт-стрит, через три дома повернуть направо — и вот ты у своей девушки-землячки, ожидающей тебя.

Мазиза нетерпеливо ерзал на сидении. Автобус ехал, как ему казалось, слишком медленно и почему-то очень часто останавливался. Он за просто смог бы обогнать его пешком.

Наконец кондуктор объявил: «Двадцатая улица».

В ту же секунду Мазиза выпрыгнул из автобуса. Пройдя несколько шагов, он увидел двух африканцев, торопливо спешивших ему навстречу. Они выглядели взволнованными: оглядывались по сторонам, суетились, будто не знали, в каком направлении идти. Мазиза остановился, чтобы поправить галстук. Поровнявшись с ним, один из африканцев сказал:

— Ты выбрал, брат, неудачный день. Дела здесь плохи.

Мазиза сделал всего лишь шаг вперед, когда навстречу ему вынырнула полицейская машина. Мазиза вздрогнул, но тут же постарался взять себя в руки. «Мне нечего бояться, я ничего не сделал плохого», — подумал он, желая успокоить себя, хотя хорошо знал, что полиция никогда не ждет, пока африканец что-нибудь сделает, для того чтобы привязаться к нему.

— Эй, подойди сюда! — окликнул его полицейский, как только машина остановилась.

— Я? — Мазиза пальцем ткнул себя в грудь.

— Ты, ты! — зло заорал полицейский, вылезая из машины и чертыхаясь. — Куда это ты направился?

— Туда, баас, — Мазиза махнул рукой, всем своим видом давая понять, что он должен добраться «туда» как можно скорее.

— Вам, туземцам, определено местожительство за пределами Си-Пойнта. Ты кто такой?

— Я...

Полицейский протянул руку. Мазиза не стал спрашивать, чего от него ждут.

Не говоря ни слова, он полез за своим пропуском. Карман был пуст. Он обшарил все карманы, но маленькой книжицы нигде не оказалось. Сердце замерло.

— Нет пропуска?

Полицейский схватил Мазизу за руку и потащил к машине.

— Пожалуйста, баас, я...

— Хватит нам вашего воровства и драк! Пошли!

И тут Мазиза вдруг вспомнил — та грязная одежда, которой он пренебрег... Вот где его пропуск, в тех грязных штанах вместе с билетом третьего класса и грязным платком, которым он вытирал пот целую неделю! В одно мгновение в голове пронеслось, что последует за всей этой историей: тюремное заключение на неопределенный срок, потеря места, долги беззастесные поиски новой работы, высылка из города...

Он попробовал было попытаться счастья:

— Пожалуйста, баас, пропуск у меня дома, сэр...

Но его уже грубо втолкнули в машину. Вскоре он узнал, что полиция предприняла налет на этот район, так как в одном из домов в комнате для прислуги был найден труп.

Машина мчалась к полицейскому участку, и все надежды Мазизы на приятную встречу с землячкой постепенно таяли. Он живо представил себе, как она ждет его, а потом, отчаявшись, решает, что город действительно калечит людей, что никому нельзя верить, даже парням из родных мест.

Желудок Мазизы занял от голода, и он вспомнил о куске свежего, вкусного хлеба, который оставил нетронутым дома...

Перевел с английского
В. Коткин

НАЗРУЛ ИСЛАМ

Индия

ВОРЫ

«Ты ворует!» — кричат повсюду.

Это правда, но это ложь.

В нашем мире целые страны
затевают большой грабеж.

А тебе отрубают пальцы
за украденный медный грош.

Справедливые наши судьи —
разве совесть у них чиста?

Лихоимцы с большим размахом.

Довкачи — тебе не чета.

Бедняков дотла обирают —
всюду голод и нищета.

Им, удачливым и спесивым,
воздают хвалу и почет.

Их дворцы — из красного камня:
наша кровь по стенам течет.

Будет время — они с лихоимством
нам оплатят кровавый счет.

Миллионы людей навеки
потеряли последний кров.

Наживаются заминдары,
продавая людскую кровь,

и заводчики богатеют
на страданиях сирот и вдов.

Сундуки набиты деньгами,
раздуваются кошельки.

Веселятся вовсю банкиры,
и жиреют ростовщики.

Волчья стая чует добычу —
блещут зубы, горят зрачки.

Это люди из касты вайшья,
уважаемые везде.

Друг за друга стоят горою.

Не горят, не тонут в воде.

На любую пакость готовы,
чтоб народ удержать в узде.

У тебя они все отнимут:

хлеб, одежду, жену, детей,

и здоровье твоё, и силу

украдут для своих затей.

Расторопней нищих воришек
ненасытный вор-богачей.

Выше голову! Зреет время —

не спасутся они, дрожа,

убегая от правой мести

и награбленным дорожа.

Не уйдут от нашего гнева

эти демоны грабежа.

Зреет время, спешит возмездье.

Восстает ограбленный мир.

Наступают горькие годы

для разбойников и громил —

без насилия им жизнь не в радость,

без наживы и свет не мил.

А тебя, беднягу, в рубахе

из одних заплат и прорех,

богачи называют вором...

Нет, не так уж велик твой грех.

Посреди сплошного разбоя

ты, голодный, — честнее всех.

Перевел
Михаил Курганцев